

Научная статья

УДК 821.551

DOI 10.17223/18137083/82/15

Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

Река – одна из самых архаических мифологем. Однако в литературной традиции появляются новые интерпретации сложившихся в фольклоре образов реки. Задача этого исследования – рассмотреть «речные» сюжеты и мотивы, а также проанализировать их семантику в прозе писателей, представителей коренных народов Сибири. Мотивный анализ – тот метод, который позволяет выявить в корпусе текстов разных авторов повторяющиеся мотивы и сюжеты, семиотический анализ проявляет их смыслы, а также позволяет увидеть как генетическую связь с мифологией и фольклором, так и новые трактовки. Река у всех писателей, с одной стороны, становится поэтическим топосом родины. С другой – вслед за мифологической традицией авторы сохраняют в «речной» семантике значения границы и пути-переправы в иной мир с той разницей, что в литературе ответственность за путь «вниз по течению», за волю-движение к смерти несет сам человек, нарушивший нравственные законы. Несмотря на то что писатели представляют разные национальные культуры Сибири, семантика мифологемы реки в их литературном творчестве оказывается похожей как в силу ее богатого мифопоэтического потенциала, так и вследствие одинаково пессимистичных размышлений о судьбах их народов.

Ключевые слова

литература и фольклор, мифологема реки, путешествие по реке, семантика образа реки, хантыйская литература, мансийская литература, эвенкийская литература, Юван Шестапов, Еремей Айпин, Галина Кэптукэ

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 204–217. DOI 10.17223/18137083/82/15

© Непомнящих Н. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 204–217

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 204–217

Mythologeme of the river in the prose of writers – representatives of indigenous peoples of the North and Siberia

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

“River” is regarded as one of the most archaic mythologemes. Although inspired by mythological sources, the literature is not limited to them. The river concepts characteristic of folklore and tradition receive new meanings and interpretations. Moreover, motifs and plots related to rivers grow in number because new ones are created by writers. This study aims to examine the river motifs and plots and to analyze their semantics in the works of writers who are the representatives of the indigenous peoples of Siberia. Motif analysis is used to identify recurrent motifs and plots in the works of various authors. Semiotic analysis reveals their meanings and discovers not only their genetic relation to mythology and folklore but also new writers’ interpretations. On the one hand, all writers refer to the river as a poetic topos of the homeland. On the other hand, following the mythological tradition, the authors continue to consider the river as a boundary or a way-crossing to the other world, taking into account that in literature, it is the human who is responsible for the way “downstream” or for the will-movement to death after violating the moral laws. Even though the writers come from different national cultures of Siberia, their literary works share a common semantics of the river mythologeme because of its rich mythopoetic potential and due to equally pessimistic reflections of the authors on the fate of their peoples.

Keywords

plot, motif, rivers in literature and folklore, travelling by river, semantics of river in literature, Khanty literature, Mansi literature, Evenki literature, Yuvan Shestalov, Ereimei Aipin, Galina Keptuke

Acknowledgments

This research was conducted as part of the project “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” implemented by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15- 2019-1884

For citation

Nepomnyashchikh N. A. Mythologeme of the river in the prose of writers – representatives of indigenous peoples of the North and Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 204–217. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/15

Люди всегда старались жить рядом с водоемами, многие народы издревле кочевали вдоль рек, и первые цивилизации возникли в речных долинах, потому неудивительно, что река – одна из самых архаических мифологем. Она соединяет в себе и пространство, и время. Она – граница и вместилище. Образ реки многозначен, он есть в мифологии и фольклоре самых разных народов, не исключение и коренные народы Сибири.

По словам антропологов, «даже далеко не полный обзор мифологии народов Сибири дает все основания утверждать, что здесь мы имеем тот классический вариант образа космической реки, который характерен для мифопоэтической карти-

ны мира великих цивилизаций Индии, Египта и Ближнего Востока. Это позволяет рассматривать Сибирь как один из центров “речной цивилизации” Старого света» [Павлинская, 2007, с. 53]. В литературном творчестве многих писателей, представителей коренных сибирских народов, река – один из ведущих мотивов, а источником его семантики становятся мифология, фольклор, религиозные и обрядовые практики: невозможно обойти стороной тот мощный образный потенциал мифологии реки, который был накоплен веками. Названия рек часто выносятся в заглавие литературных произведений: повесть «Там, где бежит Сукпай» удэгейского автора Дж. Кимонко, роман «Амур широкий» ненецкого писателя Г. Ходжера, повесть «Имеющая свое имя, Желтула-река» эвенкийки Г. Кэптукэ, рассказ и книга, в которую он включен, «Река-в-январе» хантыйского писателя Е. Айпина и др. В творчестве Е. Айпина река – один из самых частых образов [Цимбалова, 2017]. Однако литература, хотя и постоянно питается от мифологического истока, всё же несводима только к нему: в литературном творчестве возникают новые интерпретации. Задача этого исследования – рассмотреть «речные» сюжеты и мотивы, а также проанализировать их семантику. Мотивный анализ – тот метод, который позволяет выявить в корпусе текстов разных авторов повторяющиеся мотивы и сюжеты, семиотический анализ проявляет их смыслы, а также позволяет увидеть не только генетическую связь с мифологией и фольклором, но и авторские трактовки.

Река – исток и источник жизни, топоним родины

Река как исток жизни – один из самых древних мотивов. В литературе к традиционной для мифологии семантике реки как дарительницы влаги и жизни, источника плодородия добавляется метафора источника вдохновения. Мансийский писатель Юван Шесталов почти в каждой книге упоминает реку Сосьву. В итоговой книге-завещании «Огонь исцеления», названной «романом-сказанием», ее образ – начала начал – появляется на самых первых страницах и, закольцовывая композицию, возникает в финале. Если в начале книги рассказчик, вернувшийся на землю своих предков, идет к реке, «отягощенный грустными мыслями», и там ощущает, «будто снова попал в сказку детства» (Шесталов, 1989, с. 10), то в финале задается вопросом, почему он «с таким трепетом и благоговением» относится к «родной таежной реченьке»: не потому ли, что «речка-кормилица казалась духом», который, «как всякое живое существо, любит доброе Слово»? (Шесталов, 1989, с. 252).

В рассказе юкагирского писателя Семена Курилова «Первый ручей» речь идет о небольшой реке, названной Первым ручьем. Для рассказчика этот ручей – метафора: «достопримечательность сердца», источник его вдохновения:

Здесь слышу шорохи детства и счастливый смех юности. Здесь ко мне приходит то невыразимое словами состояние души, которое принято называть старомодным словом – вдохновение. <...> Первый ручей – это не только уголок любимой реки, но и моя творческая мастерская, здесь живут герои моих книг... Первый ручей – очевидец всей моей жизни (Курилов, 1979, с. 21–22).

Семантика истока жизни в речной символике становится особенно заметной «в мировоззренческой традиции кочевников-скотоводов, где образ реки сливается с образом источника, т. е. доминантной становится идея воды как источника жизни»

ни» [Павлинская, 2007, с. 38]. В алтайской литературе этот образ подробно изучен: «В творчестве алтайских писателей не найдется писателя, у которого отсутствовали бы произведения, посвященные реке, аржан-суу (“священный источник”) или другим водным пространствам, среди которых наиболее ярко представлен образ реки Катунь (“Кадын талай-суу” – “Катунь море-река”))». Современные алтайские поэты и сейчас связывают мотив водного источника, реки с мотивом родины [Текенова, 2020, с. 101; Чинина 2011; Дедина, 2009].

Обычно «...в традиционных культурах Сибири понятие малой родины всегда определялось территорией небольшой реки» [Павлинская, 2007, с. 32], поэтому общим местом у всех писателей становится описание красоты и богатства речных берегов в местах детства. В их воспоминаниях повторяются похожие описания ландшафтов, тема предков, называются родные топонимы. Причем меняются лишь некоторые детали, а суть рассказа однотипна. Не только биография автора начинается здесь, но и сама история его народа:

Суринда – моя родина... Несколько маленьких, потемневших от времени и непогоды избушек и серых обветренных чумов притулились на берегу говорливой, «никогда не закрывающей рта» речушки. Когда-то, давным-давно речка эта, наверное, богата была сигом, и сородичи мои, прикочевав к ней и наевшись досыта вкусной серебристой рыбы, недолго думая, нарекли ее – Суринда, сиговая значит. (...) Здесь просторно душе и глазу, легко и вольно дышать. Ветер доносит терпкий запах смолы и зелени леса, вдыхай сколько хочешь!.. А белые ночи? О, эти белые ночи! Разве забудешь их?! Солнце – огненный шар! Целый день оно в небе: над лесами, над озерами, над этой рекой. К осени след его остается на косматых бровях глухарей, на крыльях селезней, на бруснике, на листьях березы... А там, чуть в стороне от Суринды, на болотах – тоска журавля, на озерах – грусть лебедя, над полянами – смех жаворонка. О, до чего же здесь хорошо!.. Здесь, в Суринде, и вода-то в речке светлей да студеней, и хлебушко-то вкуснее и слаще... (Немтушкин, 1987, с. 6).

Река для многих коренных народов Сибири – кормилица, дающая пищу и воду. Изобилие – обязательный атрибут образа родины, где человек живет, растит детей, уходит в иной мир. Таков рассказ о «реке-кормилице нивхов» Нга-биль нивхского писателя В. Санги «Река кормит»: «А кеты шло, столько, что создавалось впечатление, что река пошла вспять!» (Санги, 1967, с. 219), он описывает, как вся жизнь его народа была организована вокруг реки. Повесть «Там, где бежит Сукпай» удэгейского писателя Дж. Кимонко начинается с подробного рассказа о поиске подходящего для жизни места возле реки, и определяющими стали изобилие и красота тех мест:

Однажды река перед ними сверкнула. По берегам ее росли травы. Здесь, развернув широкие листья на круглых душистых стеблях, тянулась вверх чугуня (*болотная трава). У тихих заводей расцвела лукта (*калужница), корни которой прибавляли силы уставшим, здесь всюду виднелись заросли аунты (*дудник) с сочными и сладкими дудками. Диковинные травы завели далеко... Рассказывают, будто что след выдры привел прадедов к самой реке. Река была светлая и прямая, как солнечный луч. Сукпай – это луч солнца. Они называли ее Сукпаем. Ведь, придя на Сукпай, люди узнали, что бежит он в большую реку. Было много звериных следов по берегам этой реки. Было много пищи в реке. Звери, ходившие ночью лакомиться к про-

токама, били копытами рыбу... Сколько здесь было тополя для батов! (Кимонко, 1974, с. 10–11).

Воспоминания рассказчика, вернувшегося к истокам, к далекой заповедной местности, всегда окрашены эмоционально, в них много восклицаний, обращений к реке и родной земле, стилизации под фольклор: обилие эпитетов, инверсии, как в тексте Ю. Шесталова:

Земля моя! Твои олени щиплют сочный ягель, и темные соболи резвятся на ветвях, мудрецами мудрыми глядят на мир кедры, реки полноводные играют серебряными струями, рыбы юркие в струях звонких пляшут, а на небе синем белый-белый лебедь, как дитя, курлычет – не плачет, а поет. Летишь на крылатой лодке, любишься землей... (Шесталов, 1987, с. 43).

Здесь в описании золотого века своего народа писатель упоминает «полноводные реки» как один из неотъемлемых атрибутов родной земли. В повествование вплетается сказка, в которой природа еще не знает губительной силы человека:

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево стоит высокое. А пристальнее взглянешь – это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга черная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь – сам царь тайги, медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох, на каждой ветке – соболю. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их – что кедровых шишек. А в таежной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таежной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы веселые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное озеро рыбами. Дышит лесное озеро. Живет. А на опушке леса, на зеленой поляне – глухарина свадьба. А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы – лебедя. Вечное лебединое «курлы-курлы» плывет и плывет, не умолкая. А поднимутся утиные стаи в небо – солнце собой затмевают (Шесталов, 1987, с. 36–37).

В этом идеальном изобильном месте проходит раннее детство, и оно ощущается как один из самых счастливых периодов жизни, когда ребенок живет в необыкновенной гармонии с миром и окружающими его близкими людьми. В создании такого идеального ландшафта основную роль играет образ водной стихии – описание берега реки и самой реки. В рассказе «Островок на стрежне» С. Курилова островок посреди стремнины становится таким средоточием мира в период детства – местом, где росли родовые лиственницы, место, которое они оберегали:

Я и мой брат всегда будем помнить небольшой островок на родной реке... для нас, мальчишек, это был целый мир, причем мир красивый и всегда тревожный – отрезанный водой от земли. Красивый островок был на самом деле: росли на нем две лиственницы, два замечательных деревца (Курилов, 1978, с. 289).

Сам островок идеально прекрасен, там растут голубика и морошка, и лучшие безмятежные минуты связаны с ним. Ребята любили сидеть на нем, глядя на воду. Но островок был уничтожен, взорван на глазах у всей семьи для расширения фарватера – такой оказалась цена прогресса. Мальчик тогда очень переживал: «Земля гудела и вздрагивала, и я всерьез думал, что ей очень больно, что она стонет: ведь ее на куски разрывали» (Курилов, 1978, с. 293).

Для рассказчика или рассказчицы родовое место всегда сакрально, его описание может включать обращение к реке как к одушевленному существу:

До чего я люблю тебя, светлая и чистая река Джелтула! Вот мы и снова встретились с тобой. В твоих глубоких ямах-дьялту прячется крупный таймень, на светлых искрящихся перекатах резвится хариус-неру, в прибрежных озерах-амут скрывается утка-чирок... Хороши берега Джелтулы, земля тверда, когда едешь, слышишь щелканье оленьих копыт. Нет скучных марей и болот, березовые рощи тянутся на много километров вверх и вниз по реке (Кэптукэ, 1991, с. 87).

С одной стороны, эти описания во многом похожи на образ идеального пейзажа в европейской и русской литературной традиции: «Элементами идеального пейзажа, как он сформировался в античной и средневековой европейской литературе, можно считать следующие: 1) мягкий ветерок, овевающий, нежащий, доносящий приятные запахи; 2) вечный источник, прохладный ручеек, утоляющий жажду; 3) цветы, широким ковром устилающие землю; 4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень; 5) птицы, поющие на ветвях» [Эпштейн, 1990, с. 131].

С другой стороны, важно отметить, что все «идеальные» пейзажи в этих повестях не абстрактны – это образ реальной родины героя-рассказчика, о чем говорят узнаваемые приметы родных мест. Даже в стилизованных обобщенных описаниях есть конкретные детали: местные топонимы, местные названия животных, растений, упоминание присущих именно этим местам ароматов, звуков и природных явлений. Так, у Дж. Кимонко упоминаются растения «чугуня» и «аунты», а у А. Немтушкина река характеризуется по названию рыбы – «сиговая», у Г. Кэптукэ перечислены «таймени», «хариусы-неру» и «утки-чирки». Во многих переводных текстах сохраняются специфические местные названия флоры и фауны на родном языке, и впоследствии у авторов, пишущих по-русски, этот прием работает точно так же. Рассказчик стремится не столько к документальности, сколько к аутентичности, конструируемой при помощи названий местных растений, рыб, птиц и животных из родного языка. Дело не в том, что в русском языке нет названий этим явлениям: «чугуня», например, в примечаниях к тексту повести Дж. Кимонко обозначена как известное не только в Сибири растение «калужница». А Г. Кэптукэ к русским словам добавляет через дефис названия на национальном языке: «ямы-дьялту», «озерца-амут» и др. Писателям необходимо при помощи лексики родного языка обозначить и выделить свою ойкумену – их «остров детства» – в пространстве художественного текста, существующего на чужом языке, и принятыми в этой местности названиями автор маркирует такое особенное для себя место. По этим причинам идеализированный ландшафт повестей о детстве нельзя назвать полностью воображаемым.

Однако этот образ малой родины всегда создается по единой модели, и если выделить общие черты, то идеальный пейзаж в книгах писателей из самых разных уголков Сибири выглядит так:

- 1) это чаще весенний или летний солнечный (не зимний) пейзаж;
- 2) видна светлая и чистая река, которая обязательно блестит на солнце, серебрится, сияет и т. д.;
- 3) берега реки живописны: цветы, травы, тайга; запахи и звуки соответствуют типичным таежным и прибрежным, они приятны и вызывают приятные ощущения;

4) подчеркивается изобилие этого места: вокруг много зверей, рыбы, птиц, растений, пригодных в пищу и для бытовых нужд;

5) все животные и растения обязательно названы аутентичными именами, даже в том случае, когда есть эквиваленты в русском языке, т. е. в описаниях много подробностей, фиксирующих специфику конкретного места.

Итак, образ родины в литературном творчестве писателей, представителей коренных народов Сибири, – это образ идеального пейзажа, неотъемлемой частью которого становится река и узнаваемые приметы описываемого места.

Река – путь и граница между мирами

Не менее распространена в прозе сибирских авторов семантика реки – дороги – как в ее физическом измерении, так и в качестве метафоры жизненного пути. Во-первых, река мыслится в пространственных координатах реальной земной топографии, во-вторых, путешествие по реке или вдоль реки воспринимается как течение самой жизни, а хронотоп этого путешествия создается в художественном тексте в соответствии с традиционными космогоническими представлениями большинства народов Сибири: жизнь человека – это путь или скитания души в трех мирах: Верхнем, Среднем и Нижнем. Чаще всего оба значения накладываются друг на друга. Истоки такой семантики в мифологии. Представления о мирреке были свойственны селькупам, эвенкам, кетам, хантам и манси: «В космологических мифах хантов и манси река предстает как космический путь, соединяющий все три мира Вселенной и пролегающий через ее центр. <...> Река связывается с сакральным центром Вселенной и в мифологии эвенков» [Павлинская, 2007, с. 50–51]. В мифологии ненцев есть «образ моста, сотканного из дыма или тумана», который ведет шамана в Верхний мир [Там же, с.45]; «образ реки-года, как и Вселенной-года, которую она символически дублирует, присутствует во всех культурных традициях Сибири» [Там же, с. 53].

Кроме того, река часто бывает рубежом: во времени, при смене событий, пространственной границей между мирами. В этом значении мотив реки возникает в рассказе Г. Ходжера «Похороны шамана» (1978): нового партийного работника местные жители испытывают, попросив разрешить спор между бригадой стариков-рыболовов и родственниками умершего шамана. Проблемным становится вопрос о переправе шамана на родовое кладбище через реку в разгар рыболовецкого сезона. Это входит в противоречие со старой приметой, запрещающей перевозить шамана во время путины – по поверьям, в реке из-за этого может пропасть рыба. Прямая отсылка к сюжетам шаманских легенд есть в рассказе А. Немтушкина «Старуха Лолбикта». Старая шаманка впадает в осознанный летаргический сон, желая проведать мертвых, проводит в нем десять дней, а потом рассказывает, что видела на пути в Нижний мир: «Долго не могла переплыть родовую дорожку-реку, старушки не пускали, говорят, ты еще не наша» (Немтушкин, 2005, с. 257). Здесь переправа по реке символизирует переход в мир мертвых.

Эта семантика – перехода границы между мирами – присуща сюжетным ситуациям перехода реки вброд и переправы через реку, поскольку в реальном мире эти действия всегда сопряжены с опасностью. У эвенков считалось, что «при прохождении через речную преграду происходила своего рода проверка жизненных сил на прочность, здесь как бы испытывалась и решалась судьба человека – остаться в этом мире или покинуть его, уйдя в мир иной» [Ермолова, 2007, с. 103]. Такие сюжеты есть в повестях «Там, где бежит Сукпай» Дж. Кимонко, «Имеющая

свое имя Джелтула-река» Г. Кэптукэ. В последней ребенок чуть не утонул, когда семья перебиралась через реку вброд. Родители вспоминают другой давний случай на этой реке, когда маленький мальчик, тоже едва не погибший при переправе, перестает разговаривать. Ему помогает исцелиться от страха шаман, который снова отправляет ребенка в одиночку через реку.

Река может стать «дорогой в Нижний мир», в литературном творчестве ответственность за преждевременную смерть лежит на самом человеке: своими действиями он навлекает трагический конец. В рассказах эвенкийских писателей А. Немтушкина «Дорога в Нижний мир» и Г. Кэптукэ «Человек – земли соринка» персонажи в реке гибнут буквально. Главный герой Немтушкина, глядя на реку, в которой утонули его пьяные друзья, думает: «Отсюда река кажется заманчивой, красивой, ни за что не подумаешь, что в ней можно навсегда исчезнуть» (Немтушкин, 2005, с. 319). И если у Немтушкина герой сам поступательно шагает «вниз», спиваясь, то у Кэптукэ упрек в повсеместном пьянстве эвенков адресован не только конкретным людям, но и власти, изменившей их жизнь и нарушившей вековой экологический баланс, – река, затопленная водохранилищем, превратилась в «гнилую воду», и этой водой отравлено всё вокруг. Немтушкин публично размышляет об алкоголизме, погубившем огромное количество талантливых земляков, осторожно задавая вопрос об оправданности случившегося слома традиционного образа жизни. Той же проблемы касается и Г. Кэптукэ, в ее рассказе (повести в авторском наименовании) уничтоженная река становится аллегорией загубленной судьбы ее земляков, восклицаящих в рассказе: «Всё одно нам, ороченам, конец» (Кэптукэ, 1988, с. 17).

Ее рассказ начинается с замечаний собеседников о том, что «полреки теперь нет, Зеи-то нашей, гнилой лужей она стала» (Кэптукэ, 1988, с. 11), и героиня винит в том золотоискателей, которые «всю реку замутили». От зараженной рыбы умерла жена одного из собеседников главной героини – Варвары. Уже самое начало повествования настраивает на пессимистический лад. Когда женщина приезжает на родину, она узнает, что все ее близкие умерли: отец, тетка, а дядя еще и утонул в водохранилище на 40-й день после смерти тетки. Все, с кем она встречается, обсуждают новое «море» – то самое водохранилище, из-за которого исчезла река, всем страшно по нему ездить:

Поближе к Бомнаку еще ничего, река тут у вас течет. А там у нас, плохо, страшно. Эти бревна, деревья, коряги – всё ведь плавают. Ехали, я всё боялась, что на бревно наскочем да перевернемся. Да вот перед нами два дня назад мужики перевернулись. Пьяные были. Утонули все (Кэптукэ, 1988, с. 16).

В воспоминаниях Варвары возникает образ подруги детства Тани, которая когда-то показала ей птиц на рассвете, говорящих «по-эвенкийски». Птичка-синичка настойчиво тогда повторяла: «Кто утонул?» В детстве эти слова казались неуместными. Однако Таня и впрямь утонула, скорее всего ее убили старатели как свидельницу пьяного убийства. Героиня вспоминает, как ее подруга когда-то очень скучала в интернате по родным местам: «Самой красивой и чистой для нее была речка Ирокан» (Кэптукэ, 1988, с. 20). Количество смертей, случившихся на реке, о которых узнает героиня, всё возрастает.

Варвара решает ехать из поселка по водохранилищу в город устраиваться на работу, ее соглашается взять в лодку «бамовец», но спас-жилет у него только один, Варваре он выдает теплый тулуп. Варвара кидает в реку медяки перед по-

ездкой, задабривая духов воды: «Зея-река не принимай за чужую, помоги мне!» (Кэптукэ, 1988, с. 21). Но духи как будто злятся: мотор ломается, лодка застревает, героиня оглядывает водохранилище. Ее охватывают отчаянные мысли: «Вода будет прибывать и метр за метром захватывать землю. И будут тонуть и гибнуть те, кто еще живет на этих маленьких островках» (Кэптукэ, 1988, с. 22). Она вспоминает строки эвенкийского сказания о правремени, когда вокруг была одна вода. Вместе со спутником они обсуждают цветущую некогда по весне долину, затопленную теперь. В паучке на погибшей лиственнице, прибывшейся к лодке, ей видится дух предка. Варваре хочется его спасти. К вечеру мотор удастся починить, но, напорвшись на дерево под водой, лодка переворачивается, и Варвара и спутник вылетают из лодки. Здесь видится точка, не поставленная автором. Герои все-таки выжили: они выбирают на маленький островок, садятся спина к спине, чтобы согреться, и героиня видит на себе паучку, который каким-то образом сумел спастись в толстом тулупе, который был на ней. Финал остается открытым: спасут ли их, едва не утонувших, не замерзнут ли они ночью? Позже этот рассказ в существенно переработанном и сокращенном виде был опубликован под названием «Маленькая Америка» в одноименной книге, там финал однозначен, и в последних строках тонущая героиня лишь успеет подумать:

Я ж не забыла кинуть тебе хулгани-подарок, почему же, Зея-река, ты недовольна осталась?! Боже мой, я же тону не в реке, а в море, Зея-река тут ни при чем (Кэптукэ, 1991, с. 169).

Загубленная река словно мстит всем, кто соприкасается с ее водами. Имя героини, Варвара, – чужое и символичное: эвенки стали «чужими» в родных местах и превратились в варваров по отношению к своей земле.

Хантыйская мифология оказала непосредственное влияние на образность в творчестве Е. Айпина. В его прозе река – и сквозной мотив, и постоянно повторяющийся хронотоп. Сам человек у него «сотворен рекой». В итоговой книге «У гаснущего очага», написанной как завещание своему народу, Е. Айпин говорит: «И человечество на пути к покою поймет, что Сотворенной Реки Человек – это всеочищающая молния над рекой нашей жизни...» (Айпин, 1998, с. 78). В мифологии хантов река занимает особое место: «В подавляющем большинстве мифов и преданий хантов и манси в образе космической реки выступает реальная Обь, которая вбирает в себя все сакральные смыслы, присущие Мировой реке / Мировой оси, соединяющей три мира Вселенной и протекающей через ее священный центр» [Павлинская, 2007, с. 50–51]. В книгах Е. Айпина повторяется универсальный сюжет путешествия по реке, в процессе которого происходит преобразование героя.

Сюжет путешествия позволяет нанизывать на ось повествования различные ситуации: пересечение границ между мирами; испытание героя; встречи с представителями других культур; сюжеты охоты и др., но чаще всего у него река ведет героев к смерти. Главный герой романа Е. Айпина «Ханты, или Звезда утренней зари» путешествует по реке с девушкой-медиком, которую необходимо сопроводить до места назначения, и в процессе этого путешествия с ним происходят внутренние метаморфозы, герой словно отправляется по реке из одного мира в другой. В рассказе Е. Айпина «Последний рейс» весь конфликт строится вокруг путешествия по реке: два характера героев-антагонистов, представителей двух мировоззренческих и нравственных позиций, запертых в замкнутом пространстве катера, идущего по реке, раскрываются в этом путешествии. Пространство часто

измеряется героями его книг в масштабах рек: так, рассказчик «В полете над бездной» упоминает, что «район, если считать по остяцким меркам, – это три больших притока на Средней Оби. По европейским меркам – целое государство» (Айпин, 1998, с. 53).

Образ Реки (у автора с прописной буквы) в книге рассказов Е. Айпина «Река-в-январе» объединяет в себе почти все возможные мифологические смыслы. Слово «река» заменяет собой названия реальных рек, это «слово»-универсалия для названия любой реки. Оно появляется в первых же строчках: «И мы пошли на реку. Точнее, на набережную Твоей реки. У реки, где с моря налетал резкий ветер, хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда». На набережной виднеются большие корабли – «в то время я еще не понимал, что любой подобный корабль – это смерть» (Айпин, 2007, с. 11).

Этот холод будет противопоставлен дальше теплу и огню, которые излучает та самая девушка:

Ты согревала Вселенную. Всю. Ты согревала и дом моего отца на далеком Севере, и наш сосновый белоягельный бор, и наши озера, и нашу реку, и нашу Богиню... Я вздрогнул от неожиданности. Нашу богиню!.. Может быть, Ты сама Богиня?! Возможно ли такое?! Я горел в Твоем огне... (Айпин, 2007, с. 14).

Два полюса заданы: это далекий северный холодный город на реке, символизирующей смерть (а ориентация на север в «речной мифологии» народов Сибири – это направление к миру мертвых), и это река на родине, она же теплая Богиня, дарующая жизнь (река, помимо прочего, в мифологии и символ плодородия, т. е. самой жизни). Девушка умерла, книга – это посвящение, воспоминание о ней, о той любви, которую рассказчик испытывал с нею рядом. Во втором рассказе также с первых строк упоминается речка – горная, прозрачная, чья чистота говорит о чистоте чувств героев:

За окном, в низинке под горой, протекала небольшая речка. На ее дне и берегах светились круглые камни-гольши, а через нее вытянулся неширокий мост, прикрытый белой известковой пылью. По нему и по петляющей на склоне дороге мы выбирались «в мир» (Айпин, 1998, с. 22).

«У многих сибирских народов в мифологических сюжетах, относящихся к “путешествию” в нижний, или загробный, мир, присутствует образ моста (в данном случае плотины), перекинутого через реку и соединяющего ее берега. Образ этот очень устойчивый в сакральной топографии космоса и связан с семантикой реки как границы между мирами» [Павлинская, 2007, с. 44]. Появившийся образ моста, прикрытого белой пылью, указывает на момент перехода: по мосту в мифологии попадают в Верхний мир, однако рассказчик с девушкой по нему попадают из идиллически описанного изолированного места в мир Средний – к людям. В финале девушка уезжает на Север – она неуклонно продолжает перемещаться в сторону мира мертвых.

Рассказ «В полете над бездной» – ключевой рассказ книги, ее кульминация. В нем часть того действия, в котором противостоят силы жизни и смерти, развивается на реке. Центральному эпизоду предшествует диалог участников, в котором заявлена тема гибели родовой реки героя:

– У нас на Конде (река) тоже было много глухарей, – вспомнил Иван Андреевич. – В войну только глухарями и спасались по осени. А после вой-

ны вот вырубили все леса – и кончился там глухарь! Жалко! – Ну, считай, сначала твою реку кончили, а сейчас вот и тут прикончим. Потом локти начнем кусать (Айпин, 1998, с. 45).

Охотники, добыв четырех глухарей, забираются в лодку, чтобы на ней перебраться к месту ночлега. Однако лодка упорно отказывается заводиться, а затем на реке последний из убитых глухарей внезапно поднимается, выпрыгивает из лодки и плывет по реке прочь. Глухаря поймали, разможив ему голову веслом. Тем временем спускаются сумерки, наступает ночь, охотники добираются до стоянки, готовят ужин. Вдруг тот самый глухарь внезапно вскакивает и убегает во тьму леса. За ним гонится собака: «И наконец из тьмы собака приволокла трепыхающегося глухаря. Последнего. Четвертого. Вершинника. С макушки величественной лиственницы. Предводителя глухариной стаи. Всё еще живого. Всё еще не поверившего в свою кончину. Всё еще цепляющегося за белый свет» (Айпин, 1998, с. 48).

Охотники считают это плохим предзнаменованием: «А сверхживучесть зверя или птицы и вовсе плохая примета. На него, на его семью надвигается несчастье. Так считалось у охотников-манси на его родной реке. Очевидно, и здесь, на этой земле, у остяков есть подобное поверье» (Айпин, 1998, с. 51).

Вскоре охотник узнает у старика, что убил глухаря-шамана, чего делать было нельзя: теперь его ждет несчастье. Весь оставшийся путь по реке и после он размышляет о своей жизни, пытается понять, за что могли на него разгневаться остяцкие боги: «Разве что остяцкие боги могут призвать к ответу за истерзанные земли и оскверненные святы места?» (Айпин, 1998, с. 61). Поскольку примета предрекает смерть в семье, герой решает, что должен закрыть собой «эту дыру в потусторонний мир, подставив себя, тогда, по всей вероятности, беда обойдет стороной всех членов семьи» (Айпин, 1998, с. 58). Вскоре он узнает о смертельной болезни влюбленной в него девушки и понимает, что виноват перед ней и потому решает уйти вместе с ней:

А впереди только одна ночь. Последняя. А потом разве что податься в самое глухоманное верховье, где не ступала нога человека. Вдвоем. На последние дни и ночи. Это смертельное замкнуть в себя. Вернее, в них, в двоих. Не выпустить в людей (Айпин, 1998, с. 68).

Но перед этим рассказывает ей историю гибели лошади, которая спасла его в детстве, в сильную метель отыскав дом. Уже позже эта лошадь утонула в реке, когда поплыла на другой берег со спутанными ногами. Рассказ об этом еще раз напоминает о том, куда ведет переправа через реку и что ждет в финале героя. Гибнут оба – и прекрасная девушка, и уже немолодой герой: писатель будто предрекает смерть своему народу, показывая, как «продается» юная красавица в большом городе, желая «красивой жизни», и как пренебрегает спасением родной земли главный герой, имеющий влиятельную должность.

В процессе путешествия по реке герой вспоминает свою жизнь, принятые им решения, свое бессилие противостоять нефтяникам, уничтожающим родную землю. Он испытывает горькое чувство вины перед местами детства, хотя и осознает, что многим конкретным людям он в жизни помог. Таким образом, Е. Айпин, как и эвенкийские писатели, постоянно обращается к мифологеме реки и связывает ее символику с судьбой не только отдельного человека, но и своего народа.

Выводы

Река в литературном творчестве писателей, представителей разных коренных народов Сибири, – это амбивалентный образ жизни-смерти. Река дарует пищу и воду, она обязательный атрибут «идеального» родного пейзажа. Кроме того, река как граница отделяет свое освоенное пространство от чужого, она хранительница коллективной памяти. Именно потому река у всех писателей, с одной стороны, становится поэтическим топосом родины. С другой стороны, вслед за мифологической традицией авторы, как правило, сохраняют в «речной» семантике значения границы и пути-переправы в иной мир с той разницей, что в литературе ответственность за путь «вниз по течению», за волю-движение к смерти несет сам человек, нарушивший нравственные законы. Несмотря на то что писатели представляют разные национальные культуры Сибири, семантика мифологеми реки в их литературном творчестве оказывается похожей как в силу ее богатого мифопоэтического потенциала, так и вследствие одинаково пессимистичных размышлений о судьбах их народов.

Список литературы

- Дедина М. С.* Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова. Горно-Алтайск, 2009. 135 с.
- Ермолова Н. В.* Река в трех мирах эвенкийской вселенной // Реки и народы Сибири: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 281 с.
- Павлинская Л. Р.* Реки Сибири // Реки и народы Сибири: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 281 с.
- Текенова У. Н.* Мифологема воды (реки, моря, океана) в алтайской литературе (на примере произведений Д. Каинчина и К. Телесова) // Вестник СВФУ. 2020. № 2 (76). С. 108–120.
- Цимбалова Ю. А.* Образ реки в рассказах Е. Д. Айпина и В. И. Белова // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 59–70.
- Чинина Э. П.* Образ Катуня в художественном мире Кюгея Телесова // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2011. С. 217–225.
- Эштейн М.* «Природа, мир, тайник Вселенной...». М., 1990. 306 с.

Список источников

- Айтин Е.* У гаснущего очага. Екатеринбург, 1998. 256 с.
- Айтин Е.* Река-в-январе. СПб., 2007. 208 с.
- Кимонко Дж.* Там, где бежит Сукпай / Пер. с удэге Ю. Шестаковой. М., 1974. 221 с.
- Курилов С.* Островок на стрежне / Пер. с юкагир. Р. Палехова // Сияние Севера. М., 1978. С. 288–295.
- Курилов С.* Первый ручей // Чаундаур: Новеллы, рассказы, сказки. Якутск, 1979. С. 20–23.
- Кэптукэ Г. (Варламова Г. И.)* Человек – земли соринка // Полярная звезда. 1988. № 6. С. 10–23.
- Кэптукэ Г.* Маленькая Америка: Повесть, рассказы. М., 1991. 205 с.
- Немтушкин А.* Мне снятся небесные олени. М., 1987. 222 с.

- Немтушкин А. Избранное. Красноярск, 2005. 512 с.
 Санги В. Легенды Ых-мифа. М., 1967. 223 с.
 Ходжер Г. Похороны шамана // Сияние Севера. М., 1978. С. 80–95.
 Шесталов Ю. Когда качало меня солнце: повести. Санги В. Женильба Кевонгов: Романы. Свердловск, 1987. 560 с.
 Шесталов Ю. Огонь исцеления. Л., 1989. 256 с.

References

- Chinina E. P. Obraz Katuni v khudozhestvennom mire Kyugeya Telesova [The image of Katun in the artistic world of Kyugei Telesov]. In: *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of cultures: the poetics of the local text]. Gorno-Altaysk, 2011, pp. 217–225
- Dedina M. S. *Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Aytmatova* [Folklore and mythological motifs in the prose of Chingiz Aitmatov]. Gorno-Altaysk, 2009, 135 p.
- Epshteyn M. "Priroda, mir, taynik Vselennoy..." ["Nature, the world, the secret place of the universe..."]. Moscow, 1990, 306 p.
- Ermolova N. V. Reka v trekh mirakh evenkiyskoy vselennoy [A river in the three worlds of the Evenk universe]. In: *Reki i narody Sibiri: Sb. nauch. st.* [Rivers and peoples of Siberia: Coll. of sci. art.]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 281 p.
- Pavlinkskaya L.R. Reki Sibiri [Rivers of Siberia]. In: *Reki i narody Sibiri: Sb. nauch. st.* [Rivers and peoples of Siberia: Coll. of sci. art.]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 281 p.
- Tekenova U. N. Mifologema vody (reki, morya, okeana) v altayskoy literature (na primere proizvedeniy D. Kainchina i K. Telesova) [The mythologeme of water (river, sea, ocean) in Altai literature (on the example of the works of D. Kainchin and K. Telesov)]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2020, 2 (76), pp. 108–120.
- Tsimbalova Yu. A. Obraz reki v rasskazakh E. D. Aypina i V. I. Belova [The image of the river in the stories of E. D. Aypin and V. I. Belov]. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2017, vol. 3, no 2. pp. 59–70.

List of sources

- Aypin E. *Reka-v-yanvare* [River-in-January]. St. Petersburg, 2007, 208 p.
- Aypin E. *U gasnushchego ochaga* [At the fading hearth]. Ekaterinburg, 1998, 256 p.
- Khodzher G. Pokhorony shamana [Shaman's funeral]. *Siyanie Severa*. Moscow, 1978, pp. 80–95.
- Kimonko Dzh. Tam, gde bezhit Sukpay [Where the Sukpai flows]. Yu. Shestakova (Transl. from Udege). Moscow, 1974, 221 p.
- Keptuke G. *Malen'kaya Amerika: Povest', rasskazy* [A novel and stories]. Moscow, 1991, 205 p.
- Keptuke G. (Varlamova G. I.) Chelovek – zemli sorinka [Man is a mote of the Earth]. *Polyarnaya zvezda*. 1988, no. 6, pp. 10–23.
- Kurilov S. Ostrovok na strezhne [A midstream islet]. R. Palekhov (Transl. from Yukaghir.). In: *Siyanie Severa* [The Shining of the North.]. Moscow, 1978, pp. 288–295.
- Kurilov S. Pervyy ruchey [First stream]. In: *Chaundaur: novelly, rasskazy, skazki* [Chaundaur: Novels, stories, tales]. Yakutsk, 1979, pp. 20–23.
- Nemtushkin A. *Izbrannoe* [Selected works]. Krasnoyarsk, 2005, 512 p.

Nemtushkin A. Mne snyatsya nebesnye oleni [I dream of heavenly deer]. Moscow, 1987, 222 p.

Sangi V. *Legendy Ykh-mifa* [Legends of Yh-myth]. Moscow, 1967, 223 p.

Shestalov Yu. *Kogda kachalo menya solntse: povesti. Sangi V. Zhenit'ba Kevongov: romany* [When the sun rocked me: a story. Sangi V. The Marriage of the Kevongs: Novels]. Sverdlovsk, 1987, 560 p.

Shestalov Yu. *Ogon' itseleniya* [The fire of healing]. Leningrad, 1989, 256 p.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID K-6510-2017

Information about the author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Philology

WoS Researcher ID K-6510-2017

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;

одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 20.01.2023

The article was submitted on 12.01.2023;

approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 20.01.2023